

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Она и он

16+

Джавид Алакбарли

Она и он

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67564328

SelfPub; 2022

Аннотация

Непростые взаимоотношения двух безгранично влюблённых друг в друга людей создали эту легенду любви нового века. Традиционный азербайджанский мугам и траурные песнопения, любовь к Стамбулу и желание обрести покой в сельской глуши переплетаются в этой истории в единый узел. Большая любовь и разлука. Каждый из них переживает её по-своему. Она пытается найти себя в воспитании сына и реализации музыкальных проектов. Он же создаёт вокруг себя некий «умный дом», в котором постоянно присутствует её голос. А ещё это одна из немногих историй любви, что имеют счастливую концовку.

Джавид Алакбарли

Она и он

Сначала он увидел её поднос. На нём был стакан минеральной воды и йогурт. Этот роскошный отель славился своими завтраками. Здесь обычно каждый турист забивал свой поднос огромным количеством еды. Столько съесть было просто невозможно. Даже чисто теоретически. Почему же все поступали именно так? Наверное, из любопытства. Ну ещё, может быть, от жадности. Скудность этого подноса означало только одно. Это должен быть мужчина с внешне-стью аскета, потухшим взором и высохшим телом. Или же женщина, но в возрасте между восьмьюдесятью и смертью. В этом он был уверен на тысячу процентов. Хотя и ста на-верняка было бы более чем достаточно. А ещё он подумал, что напрасно он всё-таки прицепился к этому подносу. Каждый волен поступать так, как хочет. Однако, оторвав свой взгляд от этого проклятого подноса, он вдруг увидел абсолютно неземное существо. Неужели в нашем жестоком мире ещё не перевелись такие феи, которых так и хочется защи-щать, беречь и ограждать от всех превратностей судьбы? Но уже через минуту стало ясно, что желающих её беречь было более чем достаточно. Ему тут же отрезали все пути доступа к ней. Он так и застыл, как соляной столп. Всё кончилось, не успев даже начаться. Но вся эта система безопасности не

учитывала только одну, но чрезвычайно важную вещь. Начиная с самого сотворения мира мужчина – это охотник, а женщина – это дичь. Добыча была столь желанна, что охота началась незамедлительно.

ОНА

Всё начиналось прекрасно. Обычно говорят о какой-то химии взаимоотношений, предопределяющей любовь с первого взгляда. Она была уверена, что между ними не было никакой химии. Это была чистейшей воды алхимия. Стоило ей лишь увидеть его, как она поняла, что это именно тот человек, который способен подарить ей весь мир. И независимо от того, подарит он ей его или не подарит, он для неё навсегда станет тем единственным мужчиной, с которым она может быть по-настоящему счастлива. На неё он производил впечатление старинного знакомого, который просто уехал в долгое путешествие и, наконец-таки, вернулся. Вернулся, чтобы подарить ей радость бытия. Во всей своей полноте. Вернулся, чтобы она могла летать во сне и наяву. Вместе с ним. Просто вернулся, чтобы сделать невозможное возможным, а несбыточное – явью сегодняшнего дня. И всех остальных дней тоже.

Но, при всём этом, он был для неё тем человеком, который разительным образом отличался от всех остальных. Самое же главное заключалось в том, что он был способен понять все её сокровенные, не до конца даже ей самой понят-

ные, мысли и желания. А ещё он был человеком с фантастическим чувством юмора. После знакомства с ним, в какой-то момент, ей начало казаться, что она и не жила до встречи с ним. Както она при нём вслух назвала его «человеком – праздником». Он обиделся. А напрасно. Рядом с ним всё и всегда было так, как на каком-то замечательном празднике, который всегда с тобой. Если бы кто-нибудь у неё спросил о том, с каким напитком у неё ассоциируется этот человек, то она, конечно же, назвала бы шампанское. Действительно, какой же праздник без шампанского?

Нет, он не был из той категории очаровашечек и обаяшек, которые пытаются внушить всем нам, что жизнь в их присутствии становится совершенно другой. Он был в меру брутален и безмерно умен. Его интеллект подавлял с первой же минуты, а присущая ему сила воли поражала. С первой же недели их знакомства она была настолько поражена его отношением к себе, что прониклась уверенностью в том, что запаса его любви хватит не на одну человеческую жизнь.

Он убеждал её, что она подобна самым прекрасным героиням самых волшебных сказок. Жаль только, что он совсем не принц. Но и не чудовище. Просто обычный айтишник. Вернее, хороший айтишник. Ей так хотелось верить во всё, что он говорит. Привычное восприятие жизни и нормальная реакция на события вокруг них отсутствовали в их отношениях. Была только одна поэзия и музыка небесных сфер. А

ещё у них была совершенно фантастическая оптика видения друг друга. В принципе, всё это не предполагало наличие в их ближайшем окружении каких-то других людей. И её и его мир теперь должны были сводиться только к тому, что есть Она и Он. И никого больше. Но разве так может быть в реальной жизни?

ОН

Он ненавидел Григория Перельмана. Перельман об этом, конечно же, не догадывался. Ненависть эта не имела никакой личной подоплёки. Куда он, а куда Перельман?! Очевидно же, что их разделяла дистанция огромного размера. Но ненависть тем не менее была. И связана она была с тем, что он просто считал, что Перельман, сам того не подозревая, возродил интерес к такой нудной и скучной науке, как математика. Настоящая математика. Не информатика, не языки программирования и прочая мура. А именно математика. И это было очень плохо.

Благодаря Перельману сейчас только ленивый не знает о том, что есть такие люди, которые способны, не раздумывая ни минуты, отказаться от премии в миллион долларов. Из гордости. Из чувства оскорблённого самолюбия, что кто-то может со скепсисом отнестись к оценке результатов труда настоящего гения. А может быть, ещё по какой-то другой, весьма веской причине, но абсолютно до сегодняшнего дня никому неизвестной.

При этом этот самый гений может обитать в спальном районе одного из самых прекрасных и самых депрессивных городов мира. И питаться на гроши, столь простыми продуктами, как хлеб и молоко. Второго такого же гениального и фанатически преданного математике альтруиста пока никому обнаружить не удалось. Ни в постсоветском пространстве, ни в Америке, ни в Европе. Не наблюдалось его и ни на каком-то другом континенте. Вот и ненавидел он Перельмана. Просто больше было некого. Столь удачной кандидатуры в качестве объекта для ненависти просто пока не вырисовывалось.

А он так не хотел, чтобы математика вновь стала модной специальностью. Как это было когда-то. В эпоху, когда его отец принял решение стать математиком. А вот он никак уж не хотел идти по его стопам. При этом он прекрасно понимал, что всё-таки его отец был, видимо, неплохим математиком. К его чести, надо сказать, что все его публикации свидетельствовали о том, что он знал толк в своей профессии. И многому его научил. А ещё учил его тому, что всегда надо быть честным с самим собой. Особенно в науке. И приводил пример того, что такое честность в математике:

– Если ты записываешь на одной стороне доски теорему, а я вслед за тобой могу через несколько минут записать её доказательство, то это уже не наука. Это упражнение по математике для студентов. Запомни это. К сожалению, множество научных публикаций в наше время, именно в этом

смысле, не является наукой. Они не даруют человечеству новые знания. Они марают бумагу, создавая у авторов этих публикаций ощущение того, что они солидные учёные, имеющие в своём резюме список из сотен статей. Ведь сейчас всё образование стало жертвой процесса макдональдизации. Вот и оценивают рейтинги профессоров по количеству таких результатов их труда в различных научных журналах. Но были и есть гениальные учёные, которые являются авторами всего лишь нескольких работ. Такие, скажем, как Галуа. Но сейчас в моде совсем иные профессора. Именно они и плодят фаст-знания. А ещё они воспитывают студентов, напичканных теми псевдознаниями, которые можно применить здесь и сейчас.

При этом ещё отец внушал ему, что для того, чтобы стать серьёзным учёным в какой-нибудь области математики, надо успеть, будучи совсем юным, усвоить огромное количество весьма специфической информации. И лишь опираясь на эти горы знаний, сумев превратить их в свой собственный, эффективно работающий инструментарий, ты можешь дарить миру науки новые знания. Помимо яркого математического дарования, здесь нужна интуиция и огромная работоспособность. Ну, и ещё необходима абсолютно непонятная далёким от науки людям, беспредельная влюблённость в математику и желание приумножать её несметные богатства.

Он же, в отличие от своего отца, был глубоко убеждён, что всё обстоит на самом деле не совсем так. Различия бы-

ли в деталях. Но весьма существенные. К тому же он считал, что отец стал математиком лишь потому, что жизнь в Советском Союзе была удивительно скучная. Только скука и безысходность могли заставить блестящие умы того времени заниматься математикой. Да и наукой вообще. Ведь это, фактически, для всех негуманитариев был единственный способ самореализации. Он же ненавидел скуку. И несмотря на то, что хоть и небольшой, но всё-таки безусловный математический талант у него был, он не хотел становиться математиком. Но для этого ему, прежде всего, надо было сбежать из-под диктата отца.

Тогда ему было всего четырнадцать лет, а вся эта ситуация казалась ему почти безысходной. Выхода нет – повторял он вслед за солистом известной группы. А сам всё время искал то, чего нет. И, в конце концов, он всё же нашёл какое-то решение этой проблемы. Ну, как порой и бывает в этой жизни, когда думаешь, что выхода нет, всегда находится какой-то другой выход.

Свою первую компьютерную игру он написал в тринадцать лет. А продал её в четырнадцать. Дальше всё решилось само собой. Именно тогда он понял, что для того, чтобы быть хорошим математиком, необходимо стать аскетом на всю оставшуюся жизнь. А у него же никогда не было такого желания. Именно в четырнадцать лет он и уехал из дома в частную школу, которую ему якобы оплатил какой-то благотворительный фонд. На самом же деле, школу он оплатил

себе сам.

Деньги у него уже были. А с ними появилось и ощущение свободы. И непонятно, откуда и зачем, но почти сразу же вслед за этим возникло и множество желаний. Это были такие желания, которые он мечтал незамедлительно воплотить в жизнь. Разные и всякие. В том числе и самые сумасшедшие. Их он старался держать под контролем. Со временем это вошло в привычку. Предельная рациональность стала его второй натурой. Иногда его называли человеком-роботом. Он только посмеивался над этим. Сам же себя он всё чаще называл эмоциональным инвалидом. Инвалидом ведь является человек, который лишён чего-то. Ему казалось, что у него отсутствуют глубокие чувства и искренние эмоции. Он не влюблялся, не выстраивал длительные отношения, не заводил с кем-либо крепкой дружбы. Словом, в его жизни, практически, не было того насыщенного эмоционального фона, который является нормой для всех молодых людей. Тем не менее он воспринимал всё это как вполне ординарное явление, хотя и подтрунивал над своей «инвалидностью».

А ещё с этих своих четырнадцати лет он и ввёл в свой обиход привычку общения с родителями исключительно дистанционным способом. Любые личные контакты приводили к каким-то сумасшедшим противостояниям и, как правило, заканчивались ссорами и скандалами. А их он так старался избежать. Хотя и не всегда это удавалось.

ОНА

Ей просто не повезло. Изначально не повезло. Видимо, с самого рождения. Обычно так и происходит, если родители ребёнка строят свою семью исключительно на юношеской любви. Тогда, когда сами они безумно молоды и ещё не способны взвалить на себя все тяготы семейной жизни. Пожениться-то они поженились, но семьёй так и не стали. Ей было всего три года, когда её родители развелись. Лично для неё ничего и не изменилось. Как она и жила у бабушки, матери своего отца, так и продолжала жить. Это, наверное, было изначально неправильно. Всё-таки старые люди не должны единолично воспитывать маленьких детей. Это с самого рождения деформирует само восприятие мира. Но об этом как-то никто и не задумывался.

Она с самого детства привыкла к тому, что её отец и мать находятся где-то очень далеко от неё. Ей, по существу, некогда было называть мамой и папой. Ну, разве что по телефону. Вот и жила она в той обстановке безмерного обожания, которую вокруг неё создавала бабушка. Но ведь ей и не было ничего известно о том, что это не совсем правильно. Она же была маленькой и очень замкнутой девочкой, плохо идущей на какие-то контакты. Это и ограждало её от возможных обид и разочарований. Она и не ведала, что такое детская жестокость. Будь она более включённой в стандартные схемы общения детей в детском саду и школе, может быть, она

и поняла бы, что растёт в не совсем нормальной семье.

Мать её была оперной певицей, исполняющей в разных театрах множество партий второго плана. Вот и порхала она из одной страны в другую. Гордилась тем, что была настолько востребована, что в её жёстком графике гастролей практически нет свободных дней. Ей принадлежало только то время, которое отделяло один оперный сезон от другого. Но и его она хотела использовать только для себя. Не желала делить своё время с дочерью, которая представлялась ей живым упрёком и свидетельством того, что всё в этой жизни она делала не так. Если бы она могла бы стереть из своей памяти сам факт того, что когда-то была замужем и родила дочь, то она бы с удовольствием это сделала. Она не была таким уж редким исключением из правил. Матери-кукушки были и есть, да, видимо, и будут во все времена.

Отец называл свою дочь бонусом выпускного вечера. Это был единственный день в его жизни, когда он утратил контроль над своими чувствами и действиями. Его брак с этой прекрасной соседкой, в которую он был влюблён с первого класса, оказался, в конце концов, всего лишь фикцией. Его можно было оправдать лишь желанием загладить свою вину после того, как выяснилось, что всё-таки они ждут ребёнка. Фактически они разбежались уже через год. Гормональный фон нормализовался, и они, наконец-таки, осознали, насколько же по-разному выглядят их жизненные цели.

Именно тогда, когда она, наконец-таки, закончила свою

консерваторию, они оформили развод. На этом настаивала она, будучи твёрдо уверенной в том, что это изначально был неправильный выбор. Считала, что, освободившись от брачных уз, она легко и быстро сделает блестящую партию. Достойную её. И забудет об этом высоком, тощем, нескладном парне, который даже не смог толком признаться ей в любви. Но, однако, очень скоро выяснилось, что это просто иллюзия. Желавших очень тесно общаться с оперной дивой было немало. Но ни один из её поклонников так и не повысил её статус до уровня официальной жены. С этим пришлось смириться.

Он же так и не рискнул жениться вновь. Конкретное место нахождения своей бывшей жены он мог отныне узнавать лишь по афишам оперных театров. Сам себе удивлялся, но тем не менее в любой день года мог чётко сказать, в каком городе находится его бывшая супруга и какую же партию она поёт. Зачем он это делал? Этого он не мог объяснить даже самому себе. Но делал. И всех тех женщин, которых он встречал потом, он поневоле сравнивал с ней. А ещё он превратился в человека, у которого фактически нет своего дома. Даже если в каком-то городе у него была квартира или даже собственный особняк, он предпочитал останавливаться в отеле. Это был, конечно же, вечный выбор тех, кому сама судьба даровала удел бездомности. Дом ведь создаёт женщина. А если рядом с тобой нет той, что является твоей половинкой, то и дома у тебя нет. Он сам сделал этот свой выбор.

Много работы и множество женщин. Такова была его замечательная терапия.

Она всегда хорошо знала лишь то, что её отец много работает. Занимался же он в основном тем, чтобы приумножить то количество денежных знаков, которые достались ему от его отца. А ещё он каждый день звонил дочери: утром и вечером. Конечно же, преисполненная постоянным любованием собой, его бывшая жена мало интересовалась тем, где находится этот их ребёнок. Когда-то он был в ужасе от её предложения отправить девочку в глухую деревню, где такой чистый воздух и прекрасная природа. И есть прабабушка, которой всё равно нечего делать. Именно тогда он принял решение, что его дочь будет воспитывать не мачеха, не толпы различных нянь, не какая-то там сельская прабабушка, а его собственная мать.

А ещё он чётко придерживался того графика переводов денег на счёт своей бывшей жены, который та определила ему, поняв, что теперь он не самый бедный человек. Его она старалась забыть с того самого дня, как уехала. Свекровь свою уважала и время от времени созванивалась с ней. Спрашивала о том, как там поживает её девочка. Ведь вместо нормальной семьи её дочка с самого детства жила в такой, где мать и отец живут сами по себе, а внучка с бабушкой являются той самой дружной семьёй, где все обожают друг друга.

Эта певица хорошо знала, что свекровь всю жизнь страстно мечтала иметь дочь. А родился у неё сын. Иногда невест-

ка способна стать дочерью. Но это был не их случай. И вот, наконец-то, её мечта сбылась. Единственным, что постоянно расстраивало эту профессоршу было то, что внучка, как две капли воды, была похожа на её бывшую невестку.

К тому времени, когда эта девочка кончила школу и собралась поступать в консерваторию, её отец всё-таки приехал в Баку и целую неделю общался с ними. Со своей матерью и со своей дочерью. Дочь поразила его внезапно раскрывшейся красотой, а мать фантастической убеждённости в том, что внучка просто обязана повторить её судьбу и стать специалистом по средневековой музыке.

Всё то, что произошло потом, не укладывалось ни в какие прогнозы. Случившийся с её отцом в роскошном номере бакинского отеля обширный инсульт сделал его дочь завидной наследницей весьма приличного состояния. Как у всех людей из бизнес-кругов постсоветских стран, у него на все случаи жизни, в том числе и на такие, как случившийся форс-мажор, были расписаны соответствующие сценарии. Мать, конечно же, была в курсе всех его дел. После похорон сына она целиком и полностью сосредоточилась на воспитании внучки. Хотя у девочки был замечательный голос, она никогда не забывала о жёстком требовании сына:

– Никакой сцены. Подальше от артистической богемы. Только наука и исследования. Ранний брак желателен. Только при условии того, что избранник будет богаче, чем тесть. Его мать всю жизнь вела себя так, как обычно себя ведут

люди в академической среде. Считала неприличным говорить о деньгах. Внучку воспитала в таких же традициях. Они вдвоём представляли собой удивительный тандем. Бабушка была вооружена огромным количеством знаний, а внучка умела преобразовывать эти скучные знания в нечто такое, что вызывало у всех восторг и восхищение. Она умела писать такие тексты о музыке, которые было безумно интересно читать. Могла провести бессонную ночь, а утром положить бабушке на стол фантастической красоты эссе. Или же по просьбе своего приятеля, пытавшегося стать рокером, написать текст для какой-то новой песни. Словом, она была очень талантливым человеком, не до конца осознающим силу, глубину и предназначенность своего таланта.

ОН И ОНА

Изначально было ясно, что они из разных миров. В его мире правила бал логика. Это была даже не аристотелевская логика, в чём-то близкая и понятная всем образованным людям. Это была та логика, которая взорвала мир математики в двадцатом веке и показала нам всю ограниченность наших претензий на то, что мы всё можем доказать. Либо сейчас, либо когда-нибудь потом. В каком-то обозримом будущем. Ну, точно также, как скажем, теорему Ферма. Или, как всё ту же гипотезу Пуанкаре, что доконал Перельман. Ну, во всяком случае, хотя бы отделить истинные суждения от ложных. Но, в конечном итоге, всё оказалось намного сложнее. Он

немало позлорадствовал по поводу того, что новое видение перспектив развития математики сбило спесь со многих интеллектуальных претензий разных всяких супер-пупер математиков. У него же не было каких-то заоблачных амбиций и желания покорять математический олимп. Математика для него была всего лишь средством достижения цели, а не самой целью. Тем не менее, в его мире числа, функционалы и фракталы были реальностью. Во всяком случае для него. Итак, он жил в мире абстракций.

Она же была существом, обитающим в мире слов и музыки. Эта девочка просто обожала слова. Слова значили для неё гораздо больше, чем для всех нас. В её мире слова были, почти, что живыми существами. Часть из них она просто любила. Обожала. К каким-то испытывала симпатию, каких-то подсознательно избегала. Да и между самими словами для неё существовали очень сложные, только ей до конца понятные взаимоотношения. Скорее всего, это были какие-то неизвестные науке и только ей понятные законы притяжения или отторжения.

Именно согласно этим её неписаным правилам и выстраивались её тексты. Она обладала какой-то, не до конца понятной даже ей самой, способностью, позволяющей ей создавать из самых обычных слов свои очень необычные тексты. Магическая сила всего того, что она способна была сформировать из различных слов, просто завораживала. Это было некое шаманство, этаким дар волшебника, произносяще-

го лишь ему ведомые заветные слова и достигающего при этом фантастического результата.

Пожалуй, она сама и не ведала, как же она это делала. Текст каждый раз рождался как бы помимо её воли. Одно было неизменно: в её текстах всегда звучала некоторая внутренняя мелодия. Чаще всего это были стихи. Но даже и те её тексты, которые трудно было бы назвать стихами, были преисполнены некоей внутренней гармонии. Эта была та внутренняя мелодия самого текста, которой она, видимо, умела подчинять свои мысли.

Словом, она была родом из совершенно другого мира. Чуждого ему. И не имеющего ничего общего с его миром. Её красота, неопишуемая грация и природное обаяние были лишь внешней оболочкой. Какие-то высшие силы, дав ей всё для того, чтобы быть прекрасной женщиной, вдруг почему-то решили наделить её ещё интеллектом и талантом. А это уже была чистейшей воды ошибка природы.

ОН

Он попал в этот проект совершенно случайно. К нему позвонил отец и попросил найти для одного очень интересного проекта пару толковых айтишников. Сам же он, конечно, не хотел иметь ничего общего со всем этим. Причина была проста. Он был уверен, что лёгкие спонсорские деньги никогда не могут быть основой для чего-то серьёзного. Он уже много раз видел то, с какой быстротой люди, потратив копейки на

сам проект, всё остальное клали себе в карман как чистую прибыль. Друг его родителей, который руководил этим проектом, работал именно по такой, давно сложившейся схеме. Его коммуникабельность позволяла ему за год пропускать через свою компанию немало таких проектов. И очень даже неплохо зарабатывать. Но, тем не менее, он был вынужден признать, что сам по себе этот проект очень необычен. Трудно было понять сразу, чего же было больше в нём: неординарности или амбициозности? Всё-таки что-то в этой задумке с самого начала цепляло его.

Дальнейшее же развитие событий показалась ему почти что голливудским сценарием. Когда он со своими друзьями приехал на эту первую встречу, то увидел её, так поразившую его воображение, девочку из отеля. Вначале он хотел всего лишь представить своих друзей и уехать. Но, когда он выяснил, что она является участницей этого проекта, то решил смирить свою гордость и остаться. В итоге же, все прозвучавшие здесь идеи настолько его увлекли, что он начал писать новую игру. По мере того, как он погружался в эту стихию, он нуждался во всё большем количестве информации. Всё это требовало общения с этой уникальной парой «внучка – бабушка». И это было очень непросто. Бабушка эта была просто катастрофой, стихийным бедствием и ходячей энциклопедией в одном лице. Словом, расклад был почти как в паре «Красавица и чудовище». Но это была совершенно другая сказка. Чудовищем здесь выступала бабуш-

ка. Наличие же принца в этой сказке можно было допустить лишь с разрешения этого чудовища.

ОНА

Она во всём винила себя. Ей так хотелось увидеть Японию, что она уговорила бабушку поехать на этот семинар по этномузыке. Бабушка была одним из признанных специалистов по средневековой культуре. Конечно, со своими заморочками и закидонами, но равных ей среди медиевистов точно не было. Конечно же, она догадывалась, что бабушка в основном приехала из-за того, что средневековая музыка Японии была одной из самых малоизученных тем. Но, тем не менее, приехала она по её просьбе.

Она гордилась тем, что достаточно было попросить бабушку осветить события, происходящие в каком-то из средних веков, как она могла тут же прочесть лекцию обо всём, что происходило в культуре любой страны в это время. Она обожала Германию. И была уверена, что у истоков современного симфонизма стоит великий Лютер, который даже не был музыкантом. Именно он перевёл с латыни все эти песнопения и превратил их в фантастический по своей искренности акт обращения каждого христианина к своему Богу. Она обожала в деталях и подробностях описывать то время, когда каждый немецкий князь создавал для себя свой собственный оркестр, способствуя тем самым появлению всё новых и новых исполнителей и композиторов. Бабушка также была

преисполнена решимости постоянно обсуждать причины и обстоятельства европейского высокомерия, считающего все неевропейские музыкальные культуры отсталыми и недоразвитыми.

А ещё её бабушка была влюблена в мугам. Она знала и трактовала его с такой фанатичной влюблённостью, что могла говорить о нём часами. При этом у бабушки был свой пунктик. Она хорошо знала творчество прекрасной азербайджанской поэтессы двенадцатого века и относила себя к числу её потомков. Когда она как-то рискнула сказать, что, кажется, у той всё же не было детей, то бабушка не разговаривала с ней целую неделю. Естественно, что поэтессу, также как и бабушку, и внучку звали Махсати. Сокращённо – просто Сати. Бабушка и внучка. Две Сати. Такие похожие и столь разные.

Бабушка также обладала удивительной способностью проводить параллели между западной и восточной культурой. У неё на столе постоянно лежало одно роскошное издание Гёте. Это был «Западно-восточный диван». Она практически знала его наизусть. Обожала иногда шокировать людей, читая им такие стихи из этого дивана, как: «Фирдоуси говорит» или же «Руми говорит». А ещё бабушка поражалась тому, что даже её приятельница, будучи специалистом по немецкой литературе, не подозревает о том, что у Гёте есть такое стихотворение, которое называется «Когда-то, цитируя слово Корана...»

ОН

Это был не совсем обычный ужин. Его отличие от всех остальных заключалось в том, что он считался просто официальным началом всего этого международного проекта. Вначале было несколько формальных приветствий и выступлений. На этом, собственно говоря, весь официоз и завершился. Так уж получилось, что бабушка этой девочки оказалась с ним за одним столом. Очевидно, что само её присутствие странным образом подействовало на него и подтолкнуло к каким-то совсем сумасшедшим провокациям. Он так и не смог сдержаться. Начал говорить о том, что жениться можно только на японках. А дальше его просто понесло.

Он пытался разъяснить всем сидящим за столом, что для японской женщины муж – это почти что бог. Или полубог. Японцы – ну они такие. У них жена обращается к мужу на «вы», а он ей тыкает. Они могут всё. Производить лучшие в мире товары и сохранять видимость семьи в огромных корпорациях. Придерживаться традиций и кардинально модернизировать всё то, что возможно модернизировать. Там ты поступаешь на работу и женишься только один раз. Все исключения из этих правил лишь подтверждают их.

Он говорил о том, что в этой стране никогда не приживётся феминизм. Всюду, в любой структуре этого общества, женщина как факт, как данность, как волю Всевышнего воспринимает то, что она человек второго сорта. Каких бы ум-

ных книжек она не начиталась бы, какой бы Гарвард не закончила бы, она должна воспринимать это как незыблемый и непреложный факт. Так она и делает.

Если же она противится этому или у неё слишком много серого вещества, то она превращается в бесполое существо. Японка точно знает, что в течение дня она должна что-то приготовить, что-то постирать и обязательно сходить в супермаркет, чтобы купить что-то из продуктов. И ещё весь день она трепетно должна ожидать прихода своего господина и повелителя. При этом каждая японская жена прекрасно понимает, что все японские мужчины фактически женаты на своей работе. И жена – это, как бы, изначально – вторая жена. Всегда послушная во всём, что касается старшей жены – работы мужа. Если женщина не принимает эти правила, то она автоматически становится изгоем. Совсем не обязательно побивать её камнями и изгонять из общества. Делая что-то вне этих канонов, она автоматически ставит себя вне принятых рамок и приличий. Такова суть изгнания по собственной воле.

Все за столом просто мило улыбались его словам. И вдруг бабушка этой чудо-девочки сказала:

– Осенний дождь во мгле, нет, не ко мне, к соседу.

Зонт прошелестел.

За столом все тут же застыли. И тогда Мадам продолжила свою речь:

– Это тоже написали японцы. Здесь всего три строчки. А

ощущение того, что перед нами целый мир, в котором наш герой трагически одинок. Женщина пришла не к нему, а к его соседу. И неважно, кто эта женщина. Гейша, любовница, а, может быть, даже просто жена. У них довольно-таки часто встречаются с жёнами в отелях.

Для того чтобы принять всё то, что вы наговорили про японские правила и обычаи, надо родиться японцем. Но если какой-то европеец, американец, австралиец, словом, не японец попытается жить по японским законам, то это неизбежно приводит к трагедии. Запомните это, молодой человек. А ещё посмотрите фильм «Любовное настроение». Если что-то поймёте в нём, может, и слетит с Вас вся эта спесь.

За столом наступила абсолютная и полная тишина. Всем было ясно, что это была дуэль двух достойных соперников. Ему же было понятно, что первый раунд этого противостояния он, безусловно, проиграл. Причём с разгромным счётом.

ОНА

Его безумно раздражало, что она была влюблена в одного композитора. Она обожала в нём всё: его камерную музыку, его оперы, его публицистику, его научные труды. Единственным утешением для него являлось то, что тот умер за год до того, как родилась его собственная бабушка. Он прекрасно понимал, что это не был обычный музыкант. Он был гением. Обычным гением. Этим и предопределялась её любовь к нему. Он ясно осознавал, что не должен ревновать её. Но

ревновал. Он мечтал о том, чтобы она когда-нибудь говорила о нём с таким же восторгом, как она говорила об этом композиторе. Он всё же понимал, что, не будучи гением, он не заслуживает этого. Но он так хотел, чтобы это было так. А ещё он хотел, чтобы эта девочка стала частью его жизни. Раз и навсегда. До последнего вздоха. И неважно чей это будет вздох. Его или её.

Она плохо понимала, чем же он занимается. Ещё меньше она понимала, зачем он, столь далёкий от музыки человек, упорно приходит на все их семинары и обсуждения. Да ещё ездит вслед за ними из страны в страну. К тому же, его восторженный, слегка затуманенный, сжигающий её своим огнём взгляд порой пугал. Но чаще всего всё-таки завораживал. Вызывал желания, в которых она сама себе боялась признаться.

ОН

Человека можно ненавидеть по-разному. Он за свою столь недолгую жизнь успел столкнуться с различными видами ненависти. В том числе и с ненавистью лично к себе. Его ненавидели за то, что он был талантлив. Порой его ненавидели за то, что он был удачлив. Иногда его ненавидели за его безмерное высокомерие. Он даже никогда не пытался разобраться в том, в чём же заключаются глубинные причины ненависти различных людей к нему. Ему это было абсолютно безразлично. Но в тот день, когда он отчётливо осознал, что

бабушка его избранницы ненавидит его самой лютой ненавистью из всех возможных, то он всё же попытался выяснить истоки столь неординарного отношения к себе.

Он сразу же понял, что в ненависти этой Мадам к нему причудливым образом переплелись все существующие разновидности этого чувства. Причина же столь негативного отношения к нему была предельно проста. Видимо, у Мадам были свои далеко идущие планы, связанные с её любимой внучкой. И кажется, она уже успела расписать всю жизнь своей подопечной, вплоть до гробовой доски. С учётом всего этого, ей было достаточно одного мимолётного взгляда, брошенного на свою внучку и на него, для того, чтобы почувствовать опасность. Выводы она сделала. И сразу же поняла, что этот молодой человек ей активно не нравится.

Всё в нём не соответствовало её жёстким критериям о том, каким же должен быть спутник жизни её любимой внучки. Монтекки и Капулетти могли отдыхать на фоне тех уничижительных взглядов, которые она на него бросала. Ему оставалось лишь посмеиваться. Он настолько был уверен в том, что эту битву Мадам проиграет, что даже не напряглся. Даже не желал вступать с ней в какие-то дискуссии. Но, как говорили в столь нелюбимом им детском саду: «Она первой начала». Поймав его во время кофе-брейка, она тут же бросила ему колкую фразу:

– И не мечтай. У тебя ничего не получится.

– О чём это вы?

– Она не такая. Девочки, которые прыгают к тебе в постель по одному щелчку твоих пальцев, сделаны из другого теста.

– Все девочки сделаны из одного и того же теста. Если они сделаны из другого теста, то их зовут лесбиянками. А ваша внучка точно не лесбиянка. Но вы не волнуйтесь, Мадам. От этого повышается давление. У меня абсолютно нет желания переспать с ней. Вернее, я всё же пересплю, но уже после свадьбы. Пока же я просто-напросто хочу жениться на ней.

У него сразу же появилось ощущение того, что будто бы он ударил её. Она побледнела и отшатнулась. Он был вынужден взять её под руку, усадить в кресло и преподнести ей стакан воды. Она выпила его залпом.

– Вы всё правильно сделали. Диабетикам нужно больше жидкости.

– А вы догадываетесь о том, что вы попросту нахал и наглец?

– К счастью, или к сожалению, вы не первый человек, общающийся мне об этом. Я воспринимаю всё это несколько по-другому. Я очень амбициозный человек. Именно благодаря этому я сумел добиться того, что в своей области я один из самых лучших.

Тут он решил, что самой правильной тактикой в данный момент является отступление. Но ему надо было вложить в её головушку некоторые факты для размышления на досуге.

– Мадам, я знаю о вас достаточно много. О размере ваше-

го счёта, о недвижимости, которой вы владеете, о фондах и текущих проектах, которые приносят вам регулярный доход. Владею информацией о том, что досталось вашей внучке от её отца. Больше всего, конечно же, вы боитесь того, что какой-нибудь брачный аферист женится на вашей внучке и в результате она останется без средств к существованию. Поверьте мне, что такой девочке, как она, не нужны ваши деньги. Вы спокойно можете их оставить какому-нибудь из ваших музыкальных фондов. Статус вашей внучки всегда будет определяться лишь тем, какой мужчина окажется рядом с ней. Именно в таком контексте я хотел бы кое о чём поставить вас в известность. Прежде всего, мне хотелось бы, чтобы во всех наших дискуссиях и обсуждениях вы учитывали бы факт того, что денег у меня не меньше, чем у вас.

Это только в ваших глазах я – нищий мальчишка, не достойный даже мизинца вашей внучки. А ведь судя по тому магнетизму, который тянет нас друг к другу, мы обязательно будем вместе. Я буду идиотом, если упущу такую возможность. Пусть она и не осознаёт до конца, что с ней творится, но я-то хорошо понимаю, что от всей этой силы притяжения друг к другу нам никуда не деться. Но мне не хотелось бы продолжать этот разговор в столь агрессивном тоне. Мы вернёмся к нему, когда Вы будете себя лучше чувствовать. А лучше Вы себя можете начать чувствовать уже сейчас. Рецепт предельно прост: смириться и принять меня таким, какой я есть. Осознать, что я – будущий муж Вашей любимой

внучки. Принять это как данность. Без вариантов.

ОНА

Она говорила о симфонических мугамах. И пыталась объяснить, что, фактически, полный вариант исполнения любого из мугамов, даже без вовлечения симфонического оркестра, по существу, является симфонией. Ведь здесь есть свои разделы. Своя внутренняя архитектура. Свой апофеоз. И свои методы перехода от одного раздела к другому. Симфонический мугам же, фактически, пытается как бы отсечь всю импровизационную магию обычного мугама и навязать ему раз и навсегда определённую чёткую структуру. Здесь дирижёр и оркестр подчинены европейским канонам музыки. В классическом же мугаме это всё, конечно же, не так.

При исполнении любого из семи канонических мугамов певец выступает фактически и как композитор, и как дирижёр, и как исполнитель. Он не скован жёсткими рамками европейского нотного ряда. Недаром же все те, кто пытались ещё во времена великого Узеира осуществлять нотную запись азербайджанского мугама, сталкивались с огромными трудностями. Самая главная из них заключалась в том, что все эти присущие мугаму особенности, его мелизмы, заоблачные трели и импровизации очень трудно поддавались формальной записи.

Пока она говорила, в этом небольшом зале стояла абсолютная тишина. Иногда страстное течение её речи прерывалось.

валось теми музыкальными отрывками, которыми она хотела проиллюстрировать свою мысль. Здесь звучал голос великого Бюльбюля. А ещё записи мугамов начала двадцатого века. Она виртуозно использовала современные азербайджанские песни в контексте чёткого анализа того, с какими же мугамами они связаны. Словом, из какого-то сумасшедшего микса ритмических мугамов, танцевальных мелодий и современных песен она смогла сформировать такой иллюстрационный материал, который предельно обнажал, казалось бы, простую истину: классический мугам является первоосновой и фундаментом всей нашей музыкальной культуры. Не это было её целью. Это был как бы некий побочный продукт.

Она разъясняла фактически азы гениальной работы Узера об основах азербайджанской музыки. И констатировала простую истину о том, что мы за все эти годы ничего так и не смогли прибавить к его знаменитому труду. И здесь наступал самый интересный момент: она почему-то была уверена, что именно современные технологии могут обеспечить здесь абсолютно новое понимание перспектив дальнейшего развития. Этот, как бы адресованный ему негласный посыл, его приятно удивил.

Всё, что она сумела изложить в своём ярком выступлении, поневоле поражало воображение. Его особенно удивила та дотошность, с которой она пробивалась сквозь толщу поздних наслоений и могла добраться до самой сути. Он, всегда

считающий мугам неизменным атрибутом времяпровождения очень старых и скучных людей, был просто в восторге от того, в какой современной трактовке она всё это подавала.

А потом она заговорила о самом загадочном из всех азербайджанских мугамов. О том самом, основной лейтмотив которого звучит в знаменитой токкате. Она считала этот мугам загадочным миром, преисполненным бесконечной печали. По её мнению, эта печаль является настолько величественной, что человеку некуда скрыться от её влияния. Говорила о том, что при его исполнении создаётся такое ощущение, что какую бы дверь не пытался открыть человек, он неизбежно попадает в обитель печали. Иногда кажется, что по мере того, как слушаешь этот мугам, в душе человека, который уже не может спастись от изничтожающей его печали, зарождаются, тем не менее, всё новые и новые трагические мотивы.

А потом, наконец-таки, печаль достигает такого накала, что неизбежно должна перейти в протест. Но по мере того, как этот мугам движется к своей кульминации, становится ясной очень простая истина. А заключается она в том, что сам протест, сам бунт и весь этот бунтарский дух являются одновременно и вершиной печали, и её завершением. Яркий протест, пронизывающий этот мугам к концу, – это и отрицание печали, и её кульминация. Такое неистовство страстей кажется многим исполнителям просто какой-то безумной музыкальной бурей. По-существу, это катастрофа, в которой никто не может выжить, не понеся огромных потерь.

Но, как это ни странно, вся эта печаль, достигнув своего накала, доводит вас до такого состояния, что, в конце концов, вы становитесь равноудалены как от протеста, так и от печали.

Мугам может уже отзвучать. Но он обязательно оставит у вас то неистовство страстей, которое приблизит вас к пониманию того, что такое дух бесконечности. Общий настрой этого мугама таков, что он по неволе делает вас мудрее. Порой у вас возникает такое ощущение, что этот мугам, как полноводная река, пытается преодолеть множество преград, стоящих на его пути. Преодолеть с гневом и страстью, превышающими возможности обычного человека.

Слушая этот мугам, вы можете постичь, что означает на самом деле полное растворение в безбрежном море печали. Но вместе с тем он даёт вам столько сил и энергии, что уже вы сами способны сделать свой выбор. А это уже выбор между смирением и бунтом. Когда же этот мугам отпускает вас из плена своего воздействия, то вы поневоле становитесь другим человеком. Иного качества бытия вам уже не дано. Вы уже просто не способны быть таким, каким были до того, как погрузились в это волшебство. Но всё это, конечно, возможно только в том случае, если у вас есть душа, способная к сопереживанию.

Когда всё это действие завершилось, бабушка поцеловала её и сказала фразу, абсолютно не вписывающуюся ни в какие протоколы этого международного проекта:

– Как же я тобой горжусь.

И тогда он захлопал. Вслед за ним с кресел поднялись, и другие слушатели и тоже начали хлопать. Она была смущена. И просто ушла из зала, переложив на бабушкины плечи всю ответственность за то, чтобы подвести итоги и ответить на множество вопросов.

ОН

На этот вечер он заказал целую развлекательную программу. Но Мадам нарушила все его планы. Она заявила, что они будут ужинать в номере. Только исключительно потому, что она себя неважно чувствует. Даже не может идти речи о том, что внучка может её покинуть и куда-то уйти. Пришлось подключать тяжёлую артиллерию. Когда глава самой знаменитой в мире звукозаписывающей компании начал убеждать Мадам в том, что они с женой также идут вместе с ними в этот знаменитый театр Кабуки, то старуха со скрипом отпустила внучку. Сама всё же идти отказалась. Когда же он, уже после театра, завёз девушку в гостиницу, бабушка встречала их в фойе. И было совсем не похоже на то, что она на самом деле плохо себя чувствует.

Он всегда был убеждён, что самые лучшие стратегии переговоров включают в себя многие принципы, в том числе и такие, как предельная открытость и паталогическая честность. Именно руководствуясь ими, он тут же попросил бабушку найти для него всего пятнадцать минут и обсудить

кое-какие планы. Она скупо бросила:

– Завтра. За завтраком.

В их компании всегда считалось, что он очень хороший переговорщик. Но эта старушка вся из себя была сделана из какого-то, неизвестного науке, суперпрочного материала. Непонятно, что там ей почудилось, но постоянно исходящие от неё негативные биотоки безусловно свидетельствовали о том, что она с трудом выносит его присутствие. Мадам не очень-то пыталась это скрывать от всех окружающих. Судя по тому, как увидев бабушку в фойе, внучка тут же отстранилась от него, он понял, что Мадам уже успела наговорить девочке кучу гадостей о нём.

«Империал» был отелем, в котором можно было позавтракать в нескольких местах. Здесь можно было получить завтрак в традиционном японском стиле, начать день с европейского или американского завтрака. Или же можно было самому себе составить меню в одном из тех кафе, которые в течение всего дня работали в обычном режиме. Завтрак в таком кафе был его любимым вариантом. Но, в отличие от всех остальных, он не входил в число тех, что были включены в стоимость проживания. Но за всё хорошее всегда надо было платить.

Утром, дождавшись их в холле, он направился вместе с ними в выбранное им кафе. Сделав первый глоток кофе, старуха тут же объявила, что готова его выслушать. Он же имел наглость заявить, что не хочет говорить в присутствии её

внучки. Конечно, мог бы добавить, что не хочет портить её аппетит своими заявлениями. Но он, в конце концов, решил проявить хоть какой-то такт и благоразумие. И с самого начала он усадил их внутри кафе в таком местечке, где можно было вначале устроиться им втроём, а внучку после завтрака запустить в близлежащие бутики. Так они и сделали.

Он говорил долго и очень убедительно. Пришёл полностью подготовленный к этому непростому разговору. Надо воздать ей должное, Мадам выслушала его до конца. Не прерывала, не задавала вопросов и вообще никак не комментировала его речь. Лишь по тому, как она сжала свои пальцы в кулачки, было очевидно, что она предельно шокирована его заявлениями.

Готовясь к этому разговору, он захватил с собой несколько документов. Ведь эта Мадам с самого начала рассматривала его как разновидность офисного планктона. Ну, в крайнем случае, она возвышала его до уровня какого-нибудь системного администратора. Нет, он, конечно, ничего не имел против офисных работников. Но как человек, заработавший свои первые очень серьёзные деньги в очень юном возрасте, он даже мысли не допускал о том, что может подчиняться чьим-то указаниям и отбывать по расписанию определённое количество времени на рабочем месте. Это было явно не его призвание.

Диагноз Мадам поставила ему довольно быстро и чётко.
– Молодой человек, вы просто сошли с ума. Мы завтра же

с внучкой покидаем Токио. Я не желаю иметь с вами впредь каких-либо дел. Ни в профессиональном плане, ни в личном. Забудьте обо всём, что вы мне тут наговорили. Это явно бред параноика.

Видимо, Мадам плохо себе представляла то, с кем же её свела судьба. Из её ультиматума оказался выполненным лишь один пункт. Наутро они, действительно, вылетели в Стамбул. Разными рейсами. Они полетели турецкими авиа-линиями, а он японскими. Битва только начиналась. Проигрывать он никогда не умел. И не хотел. Особенно в этом случае. К тому же он хорошо знал теорию игр. И был уверен, что в «играх лиц с противоположными интересами» ему не было равных.

ОНА

Он сделал ей предложение на приёме, который был дан в связи с завершением проекта. Она была в восторге от того, как это красиво было сделано. Конечно же, она с радостью сказала:

– Да.

И только потом увидела перекошенное ужасом лицо бабушки. Но было уже поздно.

Она не хотела пышной свадьбы, дурацкого платья с кринолином и множества гостей. Словом, дурной пародии на свадьбу принцессы Дианы. Он всё же сумел убедить её, что всё это нужно. Выбрал отель «Конрад», пригласил каких-то

дизайнеров и превратил свадебный зал в средневековой замок. Нашёл тех, кто сшил им за неделю два старинных костюма. Женский и мужской. Все кругом в один голос утверждали, что такой свадьбы ни у кого и никогда не было. Ей же казалось, что он назло её бабушке превратил их свадьбу в настоящий балаган. Ну, и что же, что это был балаган, созданный по его собственному сценарию? Но, в конечном итоге, она его, конечно же, простила. Просто потому, что она его любила. И могла простить ему всё. Во всяком случае, пока она была твёрдо убеждена в этом.

ОН

Признаются люди в этом или нет, но компьютерные игры любят все. В них играет практически всё население земли. Придумать хорошую игру безумно трудно. Это почти так же трудно, как написать поэтические строчки, заставляющие плакать или смеяться миллионы людей. Главное ведь в них не внешние эффекты, а внутренняя пружина некой интриги. Игра – это всегда магия. Она гораздо ближе к искусству, чем думают люди. Интрига игры должна быть столь завораживающей, чтобы она проникала не только в ваш мозг, но и заставляла трепетать вашу душу. Если игра не способна вызвать у вас целый комплекс разнообразных чувств, держать вас в напряжении – значит это не та игра, которую следует создавать. Это просто суррогат.

Казалось, уже давно известны алгоритмы создания всё но-

вых и новых игр. Создать ещё одну не составляет никакого труда. А вот придумать абсолютно новую игру, которая способна затянуть миллионы людей в сферу своего притяжения, невозможно без вдохновения. Откуда оно берётся не знает никто. И он не знал. Но понял только одно. Когда рядом с ним находится это удивительное существо, всё становится другим. Иначе думается, иначе ощущается, иначе воспринимается весь окружающий мир. И это самое вдохновение уже не покидает его, всё время накрывая своим волшебным облаком.

ОНА

Они долго выбирали, где будут жить. Вариантов было множество. В конце концов остановились на Стамбуле. В течение этих трёх лет Стамбул стал для них городом-сказкой. Городом-волшебством. Городом-мечтой. Его будни были посвящены работе. Она впервые в жизни видела человека, который способен руководить чем-то 24 часа в сутки. Он считал, что без этого нет успешного бизнеса. Может быть, он и был прав. Он фонтанировал идеями, начиная, практически, со своего юношеского стартапа. Он сумел создать довольно успешную модель интеллектуального бизнеса. И достиг он этого именно благодаря тому, что всегда мыслил неординарно.

У неё перед глазами был пример отца, который всегда мастерски умел вовлечь многих людей в орбиту исполнения

своих решений. Он с гордостью говорил о том, что, даже когда он отсутствует или не вмешивается в дела своей компании, она работает как единый слаженный механизм. У мужа всё было не так. С первых дней их знакомства она с огромным скепсисом относилась к его заявлениям о том, что он свои первые большие деньги заработал очень рано. Но, когда она поняла, что её муж богаче её семьи, ей пришлось признать, что она его недооценила.

Их семейная жизнь так красиво начиналась. Жили они на берегу Босфора. И в отношениях этих двух влюблённых Босфор не был третьим лишним. Он вносил свои нотки волшебства в ту сказку, которая с его участием становилась былью. Она, наконец-таки, могла заниматься всем тем, чего хотела. Ездил по разным всяким стамбульским университетам. Слушала какие-то лекции. Участвовала в различных семинарах. И даже ухитрилась прочесть специальный курс по музыкальной культуре тюркских народов. Легко поступила в докторантуру одного частного университета. Выслушала массу комплиментов в свой адрес, когда озвучивала желаемую тему своего исследования. И сполна погрузилась в столь привычную ей стихию слов и музыки. Ей было предельно комфортно. Наличие рядом с ней человека, воспринимающего её как некий подарок судьбы, поневоле окрашивало всё её рутинное существование в очень яркие краски предельно счастливой жизни.

Об уикенде на Босфоре можно написать не одну поэму. Когда ты попадаешь в один из этих ресторанов на берегу, усаживаешься в нём, оглядываешься кругом, вглядываешься в открывающийся перед тобой пейзаж, то создаётся ощущение того, что к часам 11 в субботу все самые красивые люди Стамбула усаживаются вокруг моря и начинают свой новый день. Прекрасный день. Похожий на праздник. Только поздно вечером в воскресенье это прекрасное действо подходит к концу, и множество людей практически одновременно говорят Босфору:

– Пока.

Хотя в Стамбуле немало и таких представителей богемы, убеждённых в том, что все дни недели имеют равное право на то, чтобы проводить точно также, как уикенд.

Внешне всё это выглядит очень просто. Для кого-то это поздний завтрак. Для кого-то второй завтрак. И неважно, где и как он проходит. Порой и в самом фешенебельном ресторане, и в самой дешёвой кафешке находишь, практически, одно и то же меню. И один и тот же вид на залив. Который сам по себе является частью меню и всего сегодняшнего дня. Но, вместе с тем, и частью истории.

Босфор никогда ничего не рассказывает о себе. И никто не знает, сколько же тайн хранят его волны. Вам кажется, что вы просто смотрите на водную гладь. А, по существу, Босфор приобщает вас к вечности. Если у вас что-то не залади-

лось, если вам безумно трудно, если вы не в состоянии принять правильное решение, то просто посидите на его берегу. Он всегда готов поделиться своей красотой и молодостью. Не удивляйтесь этому. Босфор ещё не раз вам докажет, что он очень молод, имея за плечами столь древнюю историю. Найдите время и посидите. Вы убедитесь в том, что, в конце концов, уйдёте отсюда совершенно другим человеком. Она прекрасно понимала, что никогда, конечно,

не сможет стать такой же просветлённой и мудрой, как Босфор. Но мечтала об этом. А ещё она была уверена, что он способен подарить ей ключ к решению всех её проблем. Однако, в конечном итоге, стало ясно, что он всё же этого ключа ей не подарил. Может быть, она его не заслужила?

Бедный Шекспир. Ромео и Джульетта – это не история великой любви. Это история о том, что родственники и родители, друзья и близкие, коллеги и сотрудники влюблённых всегда готовы сделать все, чтобы уничтожить их любовь. Причин для этого много. Слишком много. Люди склонны ненавидеть то, что они не понимают. Ведь любовь признаёт только свою собственную власть над людьми. Она не признаёт ни власти денег, ни силу родственных уз, ни диктат привычек и привязанностей. Любовь лишает человека всего того, чем он может отгородить себя от неё самой и предмета твоей любви. Она бросает его в океан, и у него нет ни единого шанса выплыть. Он может выплыть только вопреки всем законам. Но не для того, чтобы жить. Просто для того, чтобы осознать

вечную, как мир, истину. Простую истину о том, что выбор у каждого из влюблённых невелик: умирают или сами влюблённые, или же умирает их любовь. Третьего не дано.

ОН

Он был счастлив. Счастлив настолько, что ему казалось, что это сон. Может быть, именно в эту минуту, когда он откроет глаза, то окажется, что вся эта прекрасная явь лишь снится ему. Но он закрывал и открывал глаза. Видение не исчезало. Это самое прекрасное в мире существо по-прежнему было рядом с ним. Близко-близко. Он мог смотреть на неё, слушать её дыхание и даже касаться её. Это, ставшее реальностью, волшебство переполняло его. Но, тем не менее, подспудная мысль о том, что всё это лишь сон, иллюзия, химера, не давала ему спокойно дышать. Все его чувства лишь усиливались, если он уезжал куда-то. Даже на неделю. Она была рядом с ним гораздо больше времени, чем то, которое понадобилось Шахеризаде для всех её сказок. При этом она практически никогда и ничего не рассказывала. То, что её волновало и тревожило, всегда оставалось для него тайной за семью печатями. Как это ни парадоксально звучит, но он ревновал её к миру слов. Она всегда могла там спрятаться и скрыться. Закрыться от него. А этого он так не хотел.

ОНА

Вначале она просто не поверила своим глазам. Но на дисплее чётко высвечивались именно эти слова:

– Прощай. Прости, если можешь. Мой адвокат свяжется с тобой.

Это был прекрасный стамбульский день. Она сидела на берегу Босфора и пила свой любимый латте. Собиралась позавтракать. Но всё это уже не имело никакого смысла. Ни то, что она собиралась делать, ни весь её распланированный вплоть до мелочей распорядок дня, ни её желания, ни её намерения. У неё было такое ощущение, что жизнь просто кончилась. Но, тем не менее, она была всё ещё жива. Наверное, это правильно было бы назвать существованием в отсутствие жизни и смерти. Самое мерзкое из всех состояний, которое только можно было бы себе представить.

Она постаралась сама себе объяснить, что так прекрасно начавшаяся сказка их любви завершилась полной катастрофой. Теперь же надо было всё это осознать, пережить и постараться выжить. Но ей даже не верилось, что такое в принципе вообще возможно. Но оказывается, это было ещё не всё. Жизнь действительно продолжалась. Но последующее её течение было столь же мерзким, как и начало этого ужасного дня.

Позвонил его адвокат. Минут через десять после того, как пришло это злосчастное сообщение.

– Здравствуйте. У меня очень важные новости для Вас. Я очень прошу Вас приехать сейчас же ко мне в офис. У меня есть все необходимые поручения, и их надо исполнить. Самое же главное заключается в том, что мне поручено не

тянуть с этим. Времени у нас в обрез. Словом, я Вас жду.

Почему-то всю эту долгую дорогу до адвоката её мучила только одна мысль:

– Что сказать бабушке?

Теперь, когда она была уничтожена, раздавлена, размазана в кровавую кашу всего несколькими словами, ей стало по-настоящему страшно. Весь выстроенный совместно с ним мир рухнул в одночасье. И меньше всего ей хотелось слышать язвительные комментарии своей любимой бабушки. Она почти наяву слышала её торжествующий голос, который вновь и вновь вдалбливал ей в голову самые ужасные в мире слова.

– А что я говорила? Жаль только, что это случилось так поздно. Подумать только, ты почти три года терпела это ничтожество. Я же была уверена, что это не протянется больше трёх месяцев. Хорошо хоть, что это случилось при моей жизни.

Мысленно пережив весь этот торжествующий бабушкин гимн в честь своей правоты, она приняла самое смелое в своей жизни решение: ничего не говорить бабушке. И вообще никому ничего не говорить. Все знали, что её муж заканчивает один из самых своих успешных проектов. Больших и очень ответственных. Уехал он всего две недели тому назад, но было точно неизвестно, когда он всё же вернётся. Токио, Сан-Франциско, Стокгольм – из всех этих городов она получала весточку от него. С неизбежными и самыми фантасти-

ческими в мире комплиментами. Наверное, всё же разумнее будет оставить всех в неведении и убедить их в том, что хоть они и далеко от Стамбула, но всё же они вместе.

В офис нотариуса она вошла уже вполне владея собой. Как это ни странно, но у того уже был заготовлен весь пакет документов, необходимый для расторжения брака. Она, практически не читая, подписала всё то, что ей было предоставлено. Больше всего её раздражало то, что адвокат говорил не переставая. Суть его речей сводилась к тому, что она теперь очень обеспеченная женщина. И, наверняка, найдёт своё счастье в объятиях достойного мужчины.

Надо было срочно решать, что же делать дальше. Но в голове почему-то рефреном звучало одно-единственное слово: бежать. Непонятно куда и неясно зачем. Но для неё было очевидно, что только бегство от всех реалий сегодняшнего дня может спасти её от сумасшествия. Нужны были новые люди вокруг неё. Новые декорации. И новые сценарии жизни, абсолютно не связанные с тем, что её окружало в настоящее время. Она подумала о том, что аренда стамбульской квартиры оплачена до конца года. Но это совершенно не означает, что она обязана жить здесь. В месте, которое было пронизано всем его существом. Здесь даже воздух впитал запах человека, которого отныне она будет ненавидеть. Должна ненавидеть. Так же страстно, как когда-то любила.

Она в спешке сложила небольшой чемодан, взяла документы и вечером того же дня улетела в Баку. Сочла, что в

её положении это будет самый правильный шаг. Долетев, она села в заранее заказанное такси и поехала на северо-запад. Там, в деревушке под очень красивым названием, жила её прабабушка. В отличие от бабушки-профессора, это была настоящая сельская бабушка. Бабушка, которая по сей день держала корову, растила кур и выращивала овощи. При этом она абсолютно не понимала того, как может её внучка вести какую-то непонятную ей жизнь в разных всяких там парижках и петь какие-то ужасные вещи на непонятных языках, а правнучка – быть так далеко от неё. А ещё у бабушки был фантастически красивый сад.

Когда она уже подъезжала к дому бабушки, у неё мелькнула самая дурацкая мысль из всех возможных:

– Как хорошо, что всё это случилось весной. Иначе я никогда не приехала бы сюда в такое удивительное время, когда каждая яблоня напоминает невесту, идущую к венцу. А потом со всеми ними произойдёт то же самое, что и со мной. Наряд невесты сменят будни, и начнётся тяжёлая работа по выращиванию плодов.

Именно в эту минуту она задумалась о том, что она так и не успела сказать ему до его отъезда о том, что она беременна. Одна мысль об том, что теперь у её ребёнка не будет отца, заставила её похолодеть. Но думать об этом было некогда. На неё вихрем налетела бабушка. Обняла, расцеловала. Почему-то тут же охнула, присела и сказала:

– Да ты беременна, дорогуша.

– Да, бабуля. Я – разведённая! Я – беременная! Я – несчастная!

– Забыла ещё сказать, что ты дурочка. Как может беременная женщина быть несчастной?! Беременность – это само по себе счастье.

ОН

Он пребывал в состоянии эйфории. Такую радость от того, что ты создаёшь, может подарить только вдохновение. Он проснулся поздно ночью. Ещё даже не открыв глаз, чётко понимал, что будет делать. То, что ещё вчера казалось недостижимым и непостижимым, сегодня обрело вполне чёткие границы и очертания. Он будто бы разом прозрел и ясно почувствовал всё то, что было необходимо сделать, чтобы решить ту непростую задачу, что стояла перед ним.

Двое суток он не выходил из своего номера в отеле. Время от времени заказывал какую-то еду в номер. Забрасывал её в себя, абсолютно не чувствуя вкуса. Он и чувство голода-то начинал ощущать лишь после того, как наступал полный упадок сил. Просто в топку требовались дрова, и он их подбрасывал туда. Он как бы подзаряжал свои батарейки, чтобы поддерживать бушующее внутри него пламя, что было вызвано теми обжигающими мозг идеями, которые будут способны уже наутро взорвать многие IT-компании.

Всё это завершилось только к утру третьего дня. Надо было поспать. Он заказал в номер ранний завтрак и несколько

бутылок воды. И ещё попросил принести много-много льда. Есть особенно не хотелось. Но он ухитрился что-то впихнуть в себя и уснуть. Спал очень долго. Почти сутки. Проснувшись, долго не мог понять, где же он находится. Номер был всё тот же, но из комнаты исчез компьютер и масса других вещей. В том числе и телефон. Позвонил на ресепшен. Вызвал службу безопасности отеля. Затребовал все записи с видеокамер. В течение дня ему чётко удалось установить только две вещи. Из его номера какая-то девушка, очень похожая на профессиональных эскортниц, вывозила всё его оборудование, упаковав в роскошный чемодан. Именно она и повесила на двери его номера табличку «не беспокоить». Сервировочный столик с его завтраком попал к нему в номер, миновав какую-то мёртвую зону. Наверное, именно в ней и произошла «смена караула» – место молодого симпатичного официанта занял какой-то детина, который и доставил ему завтрак.

Анализ крови показал наличие у него больших доз снотворного и какого-то не до конца ещё понятного коктейля каких-то ужасных препаратов. Очевидно, что целью злоумышленников была именно та программа, которую он создавал с такой космической скоростью. Камеры зафиксировали отъезд этой эскортницы за рулём крутого внедорожника. Симпатичный же официант был обнаружен в комнате для персонала абсолютно голый. Он сам всё пытался понять, почему вдруг он решил раздеться и поспать на груди грязного

гостиничного белья. Словом, вся картина начала постепенно складываться из различных пазлов. Но ничего хорошего в этой картине не было. Ясно, что он попал в хорошо организованную ловушку и лишился того продукта, который создавал с такой страстью и вдохновением. Но всё же необходимо было понять, где и под каким именем в его собственной компании скрывается та крыса, которая слила всю информацию о нём. Видимо, всё же это была не одна крыса.

Ему пришлось полежать пару дней в медицинском центре. Здесь ему почистили кровь, убедились в отсутствии каких-то серьёзных последствий всей той дряни, которая оказалась в его организме. Только через неделю врачи разрешили ему полететь в Стамбул. Что он благополучно и сделал.

Когда он вошёл в их стамбульскую квартиру, то у него сразу отлегло от сердца. Здесь всё оставалось точно таким же, как было до его отъезда. На вешалках висели платья его жены. Ванная и кухня сверкали чистотой. А холодильник был набит продуктами. Но первый же йогурт, который он достал из холодильника, оказался просрочен. Такими же были и многие другие продукты в холодильнике. Было очевидно, что он заполнялся примерно в те дни, когда он погрузился в свой медикаментозный сон. Это его сразу же насторожило. Он позвонил друзьям и узнал безмерно шокирующую его новость. Оказывается, что его жена в тот злополучный день улетела на встречу с ним. Даже сказала им, что планирует возвращаться в Стамбул вместе с ним.

ОНА

Так вот и началась её жизнь в этом яблоневом саду. Без интернета, без телефонных звонков, без городской суеты. Словом, без привычных проблем и в абсолютно новой среде обитания. Бабушка её обхаживала, кормила, заваривала разные всякие чаи, кормила своими кулинарными шедеврами. Старый железный столик, сделанный ещё руками её прадеда, вдруг зажил какой-то новой жизнью. Она просиживала за ним практически всё светлое время суток. Много спала. С удовольствием поглощала все те огромные порции еды, которые готовила бабушка.

Когда уже до родов оставалось всего несколько недель, бабушка привела какого-то высокого, молодого парня, и они втроём уселись пить чай. Как все сельские люди, бабушка была очень прямолинейна.

– Я не хочу, чтобы у моего внука был прочерк в метрике вместо имени отца. Саид старше тебя на три года и приходится нам дальней роднёй. Кончил экономический университет в Москве. Там и работает. Жениться пока не собирается. Но я хочу, чтобы вы заключили брак. Фиктивный брак. Так у тебя не будет никаких проблем. Саид сегодня же поедет в город и

подпишет у нотариуса все бумаги, позволяющие тебе полностью распоряжаться судьбой твоего ребёнка. Очень прошу тебя согласиться на эту авантюру.

Ей сразу стало страшно. До этой минуты она, как страус,

прятала голову в песок и была уверена, что всё, что случилось с ней после той безумной смс-ки, просто сон. И стоит ей открыть глаза, как она снова будет сидеть рядом с любимым человеком. Ужинать на берегу Босфора. И мечтать о том, чтобы это счастье длилось вечно. Но, видимо, все её надежды не имели под собой никакой почвы. Суровая реальность требовала конкретных шагов и поступков. Из себя ей удалось выдать только одно:

– Хорошо.

ОН

А потом ему позвонила её бабушка. Изобразила минуту радости и выдала из себя какие-то приветственные восклицания, означающие то, что она очень рада, что её внучка и муж этой внучки, наконец-то, вернулись в Стамбул. Попросила позвать к телефону эту самую внучку. Тогда и прозвучала его первая ложь.

– Она устала с дороги. Сейчас спит. Но она обязательно вам перезвонит.

К концу дня он знал уже всё. Его адвокат показывал ему бумаги о разводе и утверждал, что это было именно его поручение. Действительно, с его адреса и телефона людям поступили многие указания и поручения, которые он не давал и не собирался давать. Результаты проведённого расследования были неутешительны. Его фирма уплатила огромную неустойку за то, что контракт по заказанному им компьютерному обеспечению так и не был исполнен. Тем не менее на-

писанные им программы прекрасно работали и были переданы именно той компании, которая их заказывала. Словом, все его дела пребывали в полном раздрае.

Утешало лишь то, что людей, сотворивших весь этот беспредел, удалось выявить. Ему, по существу, некого было винить, кроме себя. Ведь это именно он подписал кучу бумаг, передоверив самым близким своим сотрудникам множество полномочий по управлению его компанией. Всем этим они сполна и воспользовались. Да ещё к тому же вошли в сговор с их вечными конкурентами и сдали им весь тот уникальный материал, который он с таким усердием и восторгом смог создать в те сорок восемь часов своего непрерывного интеллектуального марафона.

Но всё это были мелочи по сравнению с тем, что исчезла его жена. Ни у кого о ней не было никакой информации. Просто был человек, а потом вдруг исчез. Он обратился в самое крутое детективное агентство. Они пытались найти хоть какие-то концы. Но всё тщетно. После той информации, которую он получил, он прекрасно понимал, что чувствует и переживает она, столкнувшись с таким поворотом в своей судьбе. Она всё могла ему простить. Всё, кроме предательства. А именно оно и имело место быть. И, конечно же, во всём этом она с полным на то основанием могла винить только его. Надо было как-то жить дальше с этим. Но именно это казалось ему просто невозможным.

ОНА

Они всё сделали именно так, как задумала бабушка. Она даже поменяла фамилию. Это решение она приняла тогда, когда бабушку вызвали в сельсовет и начали задавать вопросы о её госте. В тот же день она, нарушив все ею же установленные правила, написала своему бывшему мужу с чужого телефона. Смысл смски был прост:

– Меня для тебя нет в мире живых.

Малышу было три месяца, когда у соседей случился траур. Они пошли вместе с бабушкой выразить им соболезнование. Умерший был главой весьма уважаемого рода. Все собравшиеся женщины, по веками сложившейся традиции, оплакивали его. Здесь звучали те траурные песнопения, которые обычно сопровождают любого человека, покинувшего мир живых. Она с удивлением наблюдала за тем, как у неё на глазах женский плач переходил в какую-то безумно красивую печальную мелодию, а потом в речитатив. Во всём этом траурном песнопении в деталях и подробностях описывалась вся жизнь покинувшего их дорогого человека.

Жена усопшего пела о том дне, когда она впервые увидела своего суженого. Пела о том, каким он был прекрасным юношей, верным мужем, пылким любовником, великолепным отцом и заботливым дедом. Она пела о том, что как же ей повезло встретить в жизни такого замечательного человека и стать его женой. А ещё она всю жизнь надеялась на то, что свой последний путь на этой земле, от их дома до сель-

ского кладбища, она пройдёт именно на его плечах и на плечах своих трёх сыновей. Но он ушёл из этой жизни. Раньше неё ушёл. И этими руками, которыми она так любила ласкать его лицо и тело, она сама закрыла ему глаза.

Пела о том, как это тяжело прощаться с человеком, которого по-настоящему любишь. А ещё её траурное песнопение вzywало к Богу и молило о том, чтобы никогда любимые женщины не оплакивали бы своих мужчин. Молила она Всевышнего и о том, чтобы её муж обрёл покой, был прощён за все те грехи, что совершил в своей земной жизни. Так постепенно траурное песнопение превращалось в неистовую молитву, адресованную всем высшим силам. В этой молитве были мольбы о здоровье, о покое в душе, о достатке. Ну, и о счастье, конечно. А ещё о благополучии всех тех, кто жив.

Потом эту мелодию подхватила её дочь. Затем внучка. И каждая из них пела о том, чего лишил их ушедший из жизни отец и дед. А число желающих продолжить этот рассказ всё росло. Приходили близкие и дальние родственники. Ученики школы, в которой долгое время учительствовал покойный. А ещё просто все те, кто жил в этой деревне и хорошо знал покойного. По мере того, как эти женщины изливали горечь своей утраты в этих траурных песнопениях, она ловила себя на мысли о том, что печаль их светла. А ещё она понимала, что все эти песни поневоле ложатся бальзамом на её душу, забирают часть её боли и дарят ей хоть какое-то успокоение. Ведь её утрата была так велика. Когда из её глаз

хлынули слёзы, она поняла, что, по существу, она хоронит свою любовь. И оплакивает её вместе с ними. Они с бабушкой ушли через два часа. А вся эта церемония прощания с покойным продолжалась до самого вечера.

Мужчины же собрались в сельской чайхане. Там не было траурных песнопений. Там просто шёл разговор о том, что же в жизни каждого из них оставил в качестве следа этот учитель. А то, что он был учителем от Бога, понимали здесь все. Они все благодарили Всевышнего за то, что пришедший сюда почти полвека тому назад по распределению после вуза молодой человек смог стать для них таким родным и близким. Позже она узнала, что Саид был внуком этого учителя. На похороны тот приехать не сумел. Появился на сороковой день. Привёз какие-то гостинцы. Взглянул на малыша и сказал ей очень странную фразу:

– Ты очень красивая и умная девушка. И у тебя прекрасная душа. Твоё лицо пронизано таким светом, что человек, один раз взглянувший на него, хочет смотреть на тебя снова и снова. Я никогда и ничего не буду тебе навязывать. Просто я хочу, чтобы ты знала: если когда-нибудь тебе понадобится помощь, только скажи. Я готов пожертвовать всем ради тебя. Готов свернуть горы. Лишь позови. И знай, что это не пустые слова.

И он ушёл. Она же понимала, что ей надо как-то выстраивать свою новую жизнь. Наполнять её каким-то смыслом, рутиной, бытом. Вся эта её новая жизнь должна была выстраи-

иваться вокруг самого главного человечка в её жизни – вокруг её сына.

ОН

Год у него ушёл на то, чтобы восполнить финансовые потери и восстановить загубленный имидж. Но этот год не дал ничего существенного в плане поисков его жены. Предположения у него были самые мрачные. Он понимал, что вернуть её невозможно. Это было больно. Это было страшно. Это было просто невыносимо. Можно жить с ампутированной рукой, ногой, но как жить, если тебя лишили души и сердца? Тем не менее он как-то жил. Пытался восстановиться. Весь ушёл в работу. Он практически не выходил из дома, а всё руководство компанией осуществлял чисто дистанционно.

ОНА

Красота этого села привлекала сюда многих любителей туризма. Обычные городские жители, бизнесмены, строительные магнаты скупали здесь по дешёвке эти сельские дома. Одни жили в них, а другие разрушали и возводили на их месте роскошные виллы. Одна из таких вилл стояла ровно за забором её бабушки.

Она захотела её купить. Сперва, конечно же, сдуру сама пошла договариваться. Над ней от души посмеялись. Ведь никто не мог поверить в то, что эта девчонка, бабушка которой живёт в жалкой халупе, может себе позволить купить та-

кой особняк. Тогда она пригласила самого уважаемого человека их села и попросила его помочь. Тот всё исполнил очень достойно. Уже через неделю в новом особняке всё было готово к тому, чтобы переехать. Это она и сделала. А ещё она посмеивалась над бабушкой, которую в течение многих лет никакие силы были не в состоянии вытащить из её избышки. Теперь же она даже не заметила, как вдруг вместе с малышом оказалась в этом новом доме. Те же строители смогли привести в порядок старое бабушкино жильё. Поставили новый забор, сделали ремонт и превратили сельскую избышку в этакий этнографический шедевр со всеми удобствами современной цивилизации.

Когда малышу исполнился год, и он начал ходить, она поняла, что наступила пора реализовать проект своей мечты. После той церемонии прощания с дедом Саида она всерьёз обратилась к теме траурных песнопений. Она, конечно же, прекрасно знала, что практически все поэты прошлого писали стихи в этом жанре. Но когда она воочию увидела, насколько живой и прекрасной является такая традиция, то она решила выпустить сборник таких песнопений. За этот год она смогла записать практически весь материал, который можно было собрать в этом селении.

А ещё пригласила архитектора, чтобы он ей спроектировал рядом с её домом специализированный офис, в котором была бы своя студия звукозаписи, рабочие комнаты. Словом, всё, что нужно для работы. А пока она подбирала кадры, вы-

рабатывала стратегию всего проекта, снимала жильё для специалистов, которых собиралась приглашать из Баку. Она ещё много чего делала для того, чтобы создать прочный фундамент для реализации своего проекта.

Она прекрасно понимала, что для успешности проекта необходимо обеспечить запись сотен таких песнопений во всех уголках страны. Для этого, конечно, было недостаточно сил и возможностей одного человека. Она создала весьма своеобразную схему, по которой формировала специальные бригады. Костяк их составляли те, кто уже вместе с ней смогли выполнить какую-то часть работы. После этого она с уверенностью могла опираться на их обрётённые навыки и посылать их в те регионы, куда сама поехать не смогла. Просто не успевала. Весь проект был настолько амбициозен, что его реализация требовала участия многих специалистов. Её он поглотил сполна.

ОН

А потом он поздним вечером получил чудовищную смску:

– Меня для тебя нет в мире живых.

Это был тот самый контрольный выстрел в голову, после которого твоё существование на земле просто невозможно. И он прозвучал. А за два дня до этого ему на почту поступила от детектива копия её свидетельства о браке. Первая дурацкая мысль была самой обидной.

– Ради меня она не согласилась поменять фамилию. Даже мысли об этом не допускала. Кто же такой этот счастливчик, фамилию которого она сейчас носит?

Он собрал целое досье на этого парня. Узнал о нём всё. Вплоть до размера костюма и обуви. Того, что он ест на завтрак и сколько же денег у него на счету. Итоги его разочаровали. А ещё крепко разозлили. Этот муж оказался типичным выходцем из Черкизона, сумевшим выбиться в среднее звено управленцев. Видимо, умный и хваткий. Из тех, у которых в крови течёт кровь вечных торговцев: купи подешевле, продай подороже. Что могла она, вечно витающая в облаках, найти в столь заземлённом существе? Переварить всё это было невозможно. Одно было очевидно: если он сам себя не вытащит за волосы из этого болота, то он просто не сможет дальше жить.

И вдруг его осенило. Ведь он же всё время фотографировал её. Записывал её голос. Очень часто, незаметно от неё, врубал режим видеозаписи на своём телефоне. Он понял, что это надо собрать воедино. Обработать. И сделать всё для того, чтобы в его «умном доме» она присутствовала всегда. Он так всё и сделал.

Теперь с самого раннего утра у него в доме разносилось её щебетание:

– Доброе утро, милый. Как тебе спалось?

Он отвечал практически точно также, как он это делал все эти годы. После ледяного душа и чистки зубов он входил в

кухню и снова слышал её голос.

– Я приготовила тебе двойной эспрессо. Но если ты хочешь что-то другое, то я быстро всё переделаю.

Так продолжалось весь день. Даже, когда он приходил в их любимый ресторан на берегу, в его наушниках опять же звучал её голос, диктующий ему, что же здесь заказать. Он и заказывал. Этот ужин на двоих, когда один реально ужинал, а второй якобы так и не успевал появиться до конца вечера, тоже стал каким-то идиотским ритуалом. Официанты уже привыкли к этому молодому человеку, который всегда заказывает ужин на двоих, но его спутница так и не появляется. Только метрдотель этого ресторана помнил ту прекрасную девушку, которая обычно приходила вместе с ним. А ещё стол, за которым он ужинал, напоминал ему о тех временах, когда всё было замечательно. О тех счастливых днях, когда её присутствие в этом зале было не виртуальным, а реальным.

ОНА

Это был очень долгий и весьма нелёгкий проект. Ведь многое было просто утеряно. Забыто. Предано забвению. Всё это она наиболее остро ощущала после встречи с одной столетней старушкой. Та, правда, упорно не желала признаваться, что ей уже перевалило за сто лет, и с немалой долей кокетства утверждала, что ей всего-навсего девяносто девять. Она поражалась не только тому, что эта женщина смог-

ла сохранить своё здоровье, ясный ум и живость движений. Больше всего её удивляло то, что её небольшой, звучащий, как серебряный колокольчик, голос мог выводить совершенно немыслимые мелизмы. Разве такое возможно в этом возрасте?

– Для того, чтобы хорошо петь, не обязательно иметь прекрасный голос. Ведь поёт душа. Мне не совсем повезло в жизни. У меня было гораздо больше печальных, порой даже трагичных страниц в жизни, чем счастливых. Честно говоря, радости там было совсем чуть-чуть. Поэтому у меня изначально душа лежит к тому, что я пою лишь два вида песен: это песни-плачи и песни-жалобы. Я оплакиваю всех тех, кто раньше времени оставил меня и ушёл в мир иной. Я не жалуясь Богу на свою судьбу. Принимаю её как данность. Но я должна излить свою душу хоть в каких-то словах. Я жалуясь журавлю и говорю ему о том, что я бы тоже хотела летать, как он. Я жалуясь ручью и объясняю тому, что мне тоже хотелось бы так же беззаботно струиться по земле, даря свою влагу всему тому, что способно зеленеть и цвести. Я жалуясь седым вершинам наших гор на то, что не способна, как они, выстоять перед любыми ударами стихии. А ещё рассказываю им всем о том, насколько же я слаба и беззащитна.

Она никогда и не подозревала о том, что чужая боль способна вылечить твою собственную. Особенно, если этой боли много. Она сама лично встречалась с людьми, которые в народе считались истинными плакальщицами. Ведь не в

каждой семье есть женщины, способные найти достойные слова, чтобы проводить в последний путь своих близких. Тогда и приглашают этих женщин-плакальщиц. Как правило, все они имеют за плечами очень непростой жизненный путь. Когда-то их постигла, видимо, очень тяжёлая утрата. И она была столь велика, что боль оказалась непреходящей. По существу, появляясь на всех этих траурных церемониях, они оплакивают свои собственные потери.

Звучащая в их песнях печаль убаюкивает всех тех, кто слушает их. Конечно же, они не засыпают. Они просто слушают эти песни как некую колыбельную, заставляющую их забыть о том, как же им плохо. Каким-то магическим способом эти плакальщицы добиваются того, что вся эта печаль утраты куда-то исчезает. Боль притупляется. И появляется желание жить. Продолжать тот путь, который рано или поздно приведёт всех нас к тому дню, когда может быть именно эти, а может быть и какие-то другие плакальщицы будут провожать нас в последний путь.

А потом она стала в своём офисе собирать семинары. Приглашала специалистов из разных стран. Проводила обсуждения и дискуссии. Выработала чёткую концепцию того фундаментального труда, который она намеревалась издать. Маститый американский профессор написал предисловие к этому многотомнику. В нём было указано на чрезвычайно важную роль того, чтобы в общественном сознании могли возрождаться ростки той культуры, которая была уничтоже-

на атеистическим прошлым постсоветских стран.

А потом прошла презентация этого многотомника. На его базе она выпустила два однотомника. Один на русском, а второй – на английском языке. Наряду с текстами, наконец-то, в распоряжение исследователей поступило огромное количество музыки, записанной в различных регионах. Там, фактически, не звуча ли музыкальные инструменты. Было лишь пение а капелла всех тех, кто мастерски умел исполнять эти песни-жалобы и песни-плачи. Когда в этом проекте была поставлена последняя точка, она поняла, что боли больше нет. Что она свободна. И от добра, и от зла. И, что в её душе нет больше места для любви к нему. И для него. Есть она и её сын. И её удивительный талант, позволяющий ей так остро чувствовать душу и дух своего народа. Вот именно тогда в их село вихрем ворвался он.

ОН

Страсти улеглись. Пустота осталась. Пустота рядом с ним и пустота внутри него. А потом он совершенно случайно встретил одного из своих приятелей, который участвовал в том самом проекте, в рамках которого они с женой и познакомились. И тот говорил очень странные вещи. Вначале ему показалось, что всё, что он слышит, это просто какой-то бред. А потом этот приятель сбросил ему на почту какие-то материалы. Он начал их читать и слушать. И вдруг его сознание пронзил один-единственный вопрос. Разве очень счастливый человек будет заниматься траурными песнопениями?

Ответ был очевиден. Если столь глубокой, настоящей, ранившей душу и иссушающей тело, боли нет в тебе, то ты задохнёшься в море этой печали. Как она тогда говорила? Кажется, что-то о том, что какую бы дверь ни пытался бы открыть человек, он неизбежно попадает в обитель печали. Но если в душе её царит печаль, то что же это означает?

Господи боже мой! Неужели эта печаль как-то связана с их безумным расставанием? Если в этой версии была хотя бы крупица истины, то это означает лишь то, что у него есть надежда на то, чтобы выжить, не превратиться в робота без чувств и эмоций, не сгореть дотла от сжигающего чувства вины, не задохнуться от горечи, которой пропитан каждый миг его теперешнего существования.

И с первых же строк этого труда, уже выставленного в интернете, он понял, что такое могла написать только она. Это была мощная зацепка. Сначала он вышел на типографию, потом на издательство, а следом на звукозаписывающую компанию. Прошло меньше суток, а он уже въезжал в это село. Подъезжал к дому, в котором она, видимо, сейчас жила.

Его сердце готово было выскочить из груди. А потом просто остановилось. Остановилось оно тогда, когда он увидел, что на крылечке этого дома сидит малыш, являющийся его точной копией. Один в один. И точно так же, как это делал он сам много лет тому назад, этот малыш ковыряется в носу. Что-то достаёт из носа, а потом долго и внимательно разгля-

дывает. Он сделал всего лишь шаг ему навстречу, как был тут же остановлен. Вопрос малыша прозвучал, как выстрел:

– А ты кто?

– А как ты думаешь?

– Наверное, ты – это я. Но уже тогда, когда я вырасту. Так?